

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 009

К. Е. Ситниченко

г. Миасс, Россия

ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ИЗ РАБОТ ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается тема революции, её истоки, сущность и последствия на основе анализа работ философов Русского Зарубежья, являющихся неотъемлемой частью русской философской мысли. Вырисовывается абрис подходов русских мыслителей-эмигрантов к решению проблемы революции. Отмечается, что в метафизической рефлексии революции вектор её осмысления смещается от обоснования термидора к религиозному её оправданию. Что революцию не стоит рассматривать только с точки зрения политического феномена, но и как религиозное и метафизическое явление.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, Русское Зарубежье, культурная катастрофа, творческая личность, свобода.

К. Е. Sitnichenko

Miass, Russia

NOTES ON THE RUSSIAN REVOLUTION (FROM THE WORKS OF EMIGRANTS OF "FIRST WAVE")

ABSTRACT. The article focuses on the theme of revolution, its causes, its nature and consequences, based on the works by Russian emigre philosophers, which form an indelible part of Russian philosophical heritage. The author outlines the contours of different approaches taken by Russian emigre thinkers regarding the problem of revolution. Characteristically, metaphysical reflection on the revolution shifts the main line of thought from justifying thermidor to the defence of revolution itself based on religious grounds. Revolution should not be explored only as a political phenomenon, but also as a religious and metaphysical phenomenon.

KEYWORDS: revolution, Russian emigre community, cultural catastrophe, creative personality, freedom.

Вопросы, связанные с революцией 1917 года, трактуемой разными исследователями как высшая ступень в развитии мировой демократии, или как «всероссийская пугачевщина», «бунт черни», периодически встают перед исследователями и обществом тогда, когда происходят социальные трансформации, когда изменяются векторы общественного мышления и формируется потребность в поиске исторических аналогий для прогнозирования дальнейшего развития. В стороне не оставались и русские эмигранты-интеллигенты, волею судьбы оказавшихся за пределами России после революционных потрясений. Каждый из них по-своему рассматривал истоки

революции, её сущность, по-разному оценивал её результаты.

Блестяще и исключительно быстро смысл и значение революции 1917 г. был отражен русскими интеллектуалами в сборнике «Из глубины». Авторы сборника проанализировали различные аспекты революции: национальное и антинациональное в ней, черты массовой психологии, распад вековых традиций, разрушение основ морали и права, разгул темных инстинктов. Н.А. Бердяев отмечал, что «долгий исторический путь ведет к революциям, и в них открываются национальные особенности даже тогда, когда они наносят тяжелый удар национальной мощи и на-

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

циональному достоинству» [1, с. 250]. По мнению многих эмигрантов, истоки революционных событий необходимо искать в религиозном расколе общества XVII века и последовавшей за ним бифуркацией начала XVIII века.

Реформы Петра Великого изменили вектор культурного развития страны, привели к деформации различных витальных сторон общества, становлению западных бюрократических институтов, европейских форм жизни, систем науки и образования, не принимаемых основной частью русского населения. Оформляющаяся же европейски ориентированная дворянская часть русского общества, воспринявшая постулат автономии личности, право, как условие социального регулятора, все больше отмежевывалась от национальной традиционной культуры, ориентированной на архаичную культуру, традиционную привязанность личности к обществу. Данная дивергенция некогда единой культуры приводила к дуализму мышления формирующейся из двух культурных пластов новой русской интеллигенции.

С одной стороны, интеллигенция традиционно считала необходимым условием для её творчества помощь со стороны государства, с другой, стремилась к творческой свободе личности, высвобождению из-под опеки государства, тем самым отрицая само свое существование без поддержки государства.

XX век с его индустриализацией и, как следствие, урбанизацией, привел к еще большему культурному размежеванию различных общественных структур. Формирующееся новое российское промышленное общество в своей массе не было готово, а в большей степени и не стремилось принимать модели нового сознания, оно не смогло полно воспринять формы поведения, нравственные ориентиры индустриальных центров, тем самым пополнив массы городского населения с раздвоенным, люмпенским менталитетом.

Русской интеллигенции XX века также были свойственны бифуркационные

мотивы, как следствие её противоречивости. Все это, в условиях неспособности дворянской/буржуазной элиты системно модернизировать сознание российского общества, приводит к ускоренной радикализации общественного настроения, что отмечается рядом эмигрантов. Недаром многие из них, отражая суть революции, обращаются к русской литературе: «Там узнаете вы старую Россию, встретите старые, знакомые лица. Бессмертные образы Хлестакова, Петра Верховенского и Смердякова на каждом шагу встречаются в революционной России и играют в ней немалую роль, они подобрались к самым вершинам власти. Метафизическая диалектика Достоевского и моральная рефлексия Толстого определяют внутренний ход революции. Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи. Всякий народ в любой момент своего существования живет в разные времена и разные века. Но нет народа, в котором соединились бы столь разные возрасты, которые так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник нездоровья и помеха для цельности нашей национальной жизни» [1, с. 251].

Истоки революции определяют её своеобразие. С.Л. Франк писал: «Что такое есть русская революция? Как осмыслить и понять эту ужасную катастрофу, ... (которую необходимо) признать одной из величайших исторических катастроф, пережитых человечеством!», в конце работы отмечает, что «глубочайшие корни революции... лежали не в корыстных вожделениях, а в духовной неудовлетворенности народа, в искании целостной и осмысленной жизни.

Старый порядок, основанный на опеке народных масс, на управлении ими как пассивным материалом, и притом управлении, осуществляемом высшим слоём, духовная культура которого была непонятна и чужда народу, рухнул в тот момент,

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

как порвался единственный его народный корень – вера в патриархальную власть царя» [8, с. 207, 226]. Философ стремится исследовать сущность революции, её онтологическую природу, необходимость обуздания тех сил, которые инерционно будут продолжать действовать и после революции, для их благоприятного векторного направления в развитии страны.

Близки к его точке зрения по вопросу революции взгляды Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и других, рассматривавших революцию как проявление метафизического процесса, определившего её содержание и характер: «У нас, проживших эти годы в России и почувствовавших органический характер всего происходящего, преобладает все же живое отношение к конкретному лику родины в состоянии болезни. Во-первых, все мы поняли, что большевистская власть есть лишь накипь и пена революции, а не ее существо, лишь симптом заболевания (свою очередь, конечно, усложняющий болезнь и тормозящий ее излечение), а не его причина... Отсюда, далее, наше неверие в какие-либо механические меры излечения и вера лишь в исцеление путем внутреннего перевоспитания в процессе самой революции, т.е. духовной реакции на длительный опыт революции» [5, с. 123].

Рассматривая данные взгляды можно отметить, что те политические эмигранты, которые прожили на Родине в период гражданской войны и в эпоху начавшегося НЭПа, которые видели изменения в стране, имели достаточно трезвый, системный взгляд на революционные события 1917 года. Они способны были отличить «накипь и пену революции» от её «существа». А те экспатрианты, которые уходили из России за рубеж вместе с отступающими войсками, в своей массе так и пронесли отчуждение ко всему происходящему в России и не смогли отделаться от своих предвзятых убеждений.

Ф. А. Степун справедливо делит всех экспатриантов на собственно эмиграцию и «эмигрантщину». К последней, он

относил те слои русской эмиграции, которые не хотели слышать никаких позитивных слов в адрес оставшихся на родине представителей интеллигенции и любых положительных действий новой большевистской власти [6]. Сходное ощущение неприязни и подозрительности эмигрантов ко всем, кто прибывая в Европу рассказывал о достижениях на родине, ощутил и Н. А. Бердяев: «На меня мучительно действовала злобность настроений эмиграции. Было что-то маниакальное в этой неспособности типичного эмигранта говорить о чем-либо, кроме большевизма» [2, с. 287-288].

Если часть философ рассматривали революцию с метафизической стороны, И.А. Ильин, также проживший на Родине до 1922 года, анализирует революцию немного иначе, опираясь на фактический её анализ, на выявление социально-нравственных параметров, в рамках которых можно осуществить активное действие [3]. В работе «Русская революция как катастрофа, преступление и безумие» он отмечал, что «... русская революция есть величайшая катастрофа не только в истории России, но и в истории всего человечества» [4, с. 25], а далее системно определяет вину всех слоев общества в данном безумии, сравнивая революцию 1917 года со Смутой XVII века.

Близок к идеям И. А. Ильина и П. Б. Струве, стремившийся конкретизировать условия вызревания русской революции и определить её своеобразие [7].

Преодоление же негатива революции они видели не в контрреволюционном перевороте – термидоре, а во внутреннем духовном оздоровлении общества, тех сил, которые в своей духовной болезни (идея больного человека И.А. Ильина) и привели к революции. Многие эмигранты считали, что искоренение «метафизического зла», которое глубоко укоренилось в народной душе возможно как «изнутри созревший итог покаяния и самопросветления народной воли» [8, с. 223], посредством восстания религиозного мироощущения,

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

преодоления «кумиров» революции, рационалистической морали и культуры. То есть, преодоление большевизма с его утопическим интернационализмом связано с духовно-культурным оздоровлением общества. Н. А. Бердяев был прав, когда писал, что нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков.

Таким образом, рассматривавшие революцию с точки зрения религиозно-философской рефлексии интеллектуалы Русского Зарубежья, идеологически являясь противниками советской власти, в своих взглядах отражали изменения в оценке

произошедшего: от обоснования термидора к религиозному оправданию революционных процессов на Родине. Они считали, что в данных свершившихся условиях советская власть – это единственная организованная сила, способная обеспечить их Родине стабильное развитие. За данной властью они видели и государство, имеющее объективную природу. А значит, для блага России, считали они, необходимо продолжить исследования в данном вопросе для будущего поколения, не знавшего революционные бури, отбросив все чувства и эмоции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины: сборник статей о русской революции / сост. А.А. Яковлева. – М.: Правда, 1991. – С. 250 – 289.
2. *Бердяев Н.А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – Париж: изд-во ИМКА, 1983. – 336с.
3. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // Собр. соч. в 10 т. – М.: Русская книга, 1995. – Т. 5. – С. 31 – 220.
4. *Ильин И.А.* Судьба России // Национальная Россия: наши задачи. Под редакцией О.А. Платонова. – М.: Алгоритм, 2007. – 464 с.
5. Испытание революцией и контрреволюцией: переписка П.Б.Струве и С.Л. Франка (1922-1925) / Публикация М.А. Колерова и Филиппа Буббайера // Вопросы философии. – 1993. – №2. – С. 115 – 139.
6. *Степун, Федор.* Мысли о России: В кн.: Литература русского зарубежья. Антология. – М.: Книга, 1990. – Т. 1. – Кн. 1. – С.299 – 300.
7. *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины: сборник статей о русской революции / сост. А. А. Яковлева. – М.: Правда, 1991. – С. 459 – 478.
8. *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Новый мир. – 1990. № 4. – С. 207 – 226.